

15. Селезнев А. В. Формы и масштаб просветительской деятельности Красноярской краевой организации общества «Знание» в 1947–1992 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 6. С. 91–114.

16. Сосковец Л. И. Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского гос. ун-та. 2005. №288. С. 189–199.

17. Чаусов А. И. Эволюция советской атеистической пропаганды в середине 50-х по начало 80-х гг. XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 27 с.

ТРАНСФОРМАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИЯН В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ И МИГРАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ

Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Барнаул (Россия)

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации FZMW-2020-0001 «Человеческий капитал, миграции и безопасность: трансформация в новых миграционных условиях в Центральной Азии».

Аннотация: Интеллектуальный потенциал населения России в актуальных социально-экономических условиях является результатом долгосрочных трендов, формирующихся на основе социальных реформ, нацеленных на занятие и удержание высоких позиции на мировой арене научных достижений и технологий. На основе статистических данных и результатов социологических мониторинговых исследований (данные волн РМЭЗ за 25 лет) авторы описывают основные тенденции в изменении научного и образовательного потенциала населения, выявляют роль пространственных и демографических факторов, приводящих к неравномерному распределению интеллектуального потенциала в российском обществе.

Ключевые слова: человеческий капитал, наукоемкие технологии, человеческий потенциал, интеллектуальный потенциал, развитие науки, образованность населения

TRANSFORMATIONS OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF RUSSIANS UNDER NEW SOCIOECONOMIC AND MIGRATORY CONDITIONS

Omelchenko D. A., Noyanzina O.E., Maximova S. G., Barnaul (Russia)

Abstract: *The intellectual potential of Russia's population in the current socio-economic conditions is the result of long-term trends formed on the basis of social reforms aimed at taking and maintaining high positions on the world stage of scientific achievements and technologies. Based on statistical data and the results of sociological monitoring studies (RLMS data for 25 years), the authors describe the main trends in changes in the scientific and educational potential of the population, identify the role of spatial and demographic factors that lead to an uneven distribution of intellectual potential in Russian society.*

Keywords: *human capital, knowledge-intensive technology, human potential, intellectual potential, development of science, educated population*

Современные исследования проблем общественного развития в условиях, которые сегодня часто обозначаются акронимом BANI (термин антрополога и футуролога Д. Кашио, обозначающий «хрупкий, тревожный, нелинейный и непостижимый мир»), в значительной степени ориентированы на признание человеческого капитала, науки и технологий в качестве ведущих драйверов экономического роста, культурных и политических изменений. В свою очередь, теоретические дискуссии вокруг человеческого капитала, чье концептуальное обоснование активно проводилось во второй половине XX века (прежде всего в работах Г. Беккера, Т. Шульца, С. Кузнеця и др.), все более начинают развиваться в сторону понимания того, что наличие определенных знаний, умений, способностей, общекультурного и специального профессионального опыта, личностных характеристик, мотивационных и ценностных качеств, через которые этот капитал обычно определяется (особенно в расширительных трактовках), не всегда однозначно предполагает их конвертацию в экономическую выгоду, что принципы максимизации полезности и рациональности экономического поведения далеко небезупречны, и что речь идет лишь о некоторых возможностях, «потенциях», которые при благоприятных условиях (институциональных, внутриорганизационных, межличностных) будут способствовать такой конвертации. С одной стороны, рассуждения о том, что человеческие знания и опыт могут быть «капитализированы», переведены в какие-то стоимостные оценки, что человек сам по себе является «богатством», особенно в эпоху постиндустриального общества, стали уже «общим местом». С другой стороны, обращение к категориям «потенциала» взамен

«капитала» позволяет сосредоточиться не только на накопленных объемах человеческого капитала, но и на еще не реализованных возможностях использования имеющихся и будущих достижений, акцентирует внимание на его динамических характеристиках, указывает на то, что все эти составляющие активно формируются и развиваются в течение всей жизни [9]. Таким образом, концепция человеческого потенциала взамен человеческого капитала в большей степени ориентирована на ценностях самореализации и саморазвития, улучшении общественного благополучия, учитывает «самоценность жизни человека и среды его существования» и неэкономические факторы [3], однако между двумя концепциями нет непреодолимых противоречий.

Во многих исследованиях человеческий потенциал трактуется как совокупность духовных, интеллектуальных, инновационных, социокультурных и биолого-физических свойств, способностей и ресурсов отдельной личности, социальной группы или общества в целом, которые уже сформированы или формируются, но еще не реализованы в практической деятельности. В. А. Лапшин при этом справедливо отмечает, что все компоненты образуют систему, совокупный эффект элементов которой превосходит простую сумму, как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общества в целом [6]. Интеллектуальный потенциал при таком подходе рассматривается как один из элементов человеческого потенциала и, хотя возможны и другие теоретические схемы (например, когда в понятие интеллектуального потенциала включаются отчужденные от создателя элементы, такие как оборудование, новые знания или технологии), в рамках данной статьи мы будем придерживаться именно этой стратегии.

Интеллектуальный потенциал определяется материальной и духовной культурой общества [7], и для его измерения используются разнообразные индексы и системы расчета, аккумулирующие данные о наличествующих у населения знаниях и общественных институтах, способных это знание производить и использовать во благо общественного развития (показатели оценки результатов НИОКР, включая инновационные разработки, создание объектов интеллектуальной собственности и др.).

В большинстве случаев в структуре интеллектуального потенциала выделяются образовательный, научный, культурный, и инновационный компоненты [1; 2], однако, наиболее разработанными и методически обоснованными, отраженными в конкретных исследованиях и расчетах, являются первые два. Так, например,

В. К. Левашов в своих исследованиях концентрируется на измерении первых двух элементов и предлагает измерять образовательный потенциал на основе уровня общей образованности взрослого населения, удельного веса студенчества и доли расходов на образование в ВВП, а роль науки – через удельный вес персонала, занятого в сфере науки и научного обслуживания в общей численности экономически активного населения, и удельный вес затрат на науку [7], похожего подхода придерживается А. Б. Докторович [4].

О том, как меняется структура интеллектуального потенциала, оцениваемого сквозь призму показателей науки, по крайней мере в последнее десятилетие, можно судить через статистику, собираемую Министерством образования и науки в сотрудничестве с Росстатом и Высшей школой экономики в рамках проекта «Индикаторы науки». Можно выделить несколько разнонаправленных тенденций. С одной стороны, ощутимо увеличивается финансирование науки, если считать затраты в действующих или постоянных ценах (с 523,4 млрд руб. в 2010 г. до 1134,8 млрд руб. в 2019 г.), особенно – в расчете на одну организацию (149,9 млрд руб. в 2010 г. до 280,1 млрд руб. в 2019 г.) или одного исследователя (1418,7 тыс. руб. в 2010 г. до 3258,8 тыс. руб. в 2019 г.). Растет количество научно-исследовательских организаций, осуществляющих исследования и разработки в сфере высшего образования (в 2000 г. их было 390, в 2019 стало 951, увеличение в 2,4 раза), в сфере промышленного производства (прирост в 1,6 раза – с 284 до 450 организаций за 20 лет), опытных заводов (с 33 до 44 организаций). Постепенно перераспределяются источники финансирования: в науку начинает «вкладываться» бизнес, растут частные инвестиции и, хотя их доля невелика (доля предпринимательского сектора во внутренних затратах увеличилась с 25,5 % в 2010 г. до 30,2 % в 2019 г., тогда как доля государства снизилась с 70,3 до 66,3 %), для России это, несомненно, положительное явление. Улучшается «видимость» российских ученых в мировом информационном пространстве и увеличивается поток потенциальных кадров из-за рубежа (количество иностранных аспирантов в России за 2014–2019 гг. увеличилось на 30,2 %), проявляются и другие позитивные тенденции [5]. Между тем, есть много тревожного, сигнализирующего о сложностях преодоления технологического и инновационного «застоя» в российской науке. Так, несмотря на рост абсолютных значений, затраты на науку по-прежнему едва превышают 1 % от ВВП (для сравнения, в Южной Корее этот показатель составляет 4,6 %, в Израиле – 4,9 %) [10]. Значительно сокращается количество работников, занятых научными исследованиями (с 2006 года

наблюдается сокращение на 127,7 тыс. чел., или на 15,8 %), снижается уровень патентной активности (Россия занимает 12 позицию в мире). В конечном итоге, мы теряем огромные средства на импорт технологий, и результат международного технологического обмена пока происходит далеко не в нашу пользу: сальдо платежей за технологии постоянно растет и, если в 2005 году оно составляло 564,8 млн долларов, то к 2019 году – перевалило за 1,3 млрд (максимально в 2017 г. – 2,12 млрд долларов). Все вкуче указывает на то, что российский научный потенциал испытывает существенные сложности как в количественном, так и в качественном планах.

Что касается образовательного компонента, то одним из наиболее значимых и чаще всего используемых показателей интеллектуального потенциала, наряду с вышеупомянутыми другими, являются данные об уровне образованности, которые в основном операционализируются через подсчет количества лет обучения. Проведенный авторами анализ описательных характеристик количества лет обучения в разрезе волн исследования РМЭЗ (временной период – с 1994 по 2020 годы) показал, что за последние 25 лет население России стало учиться значительно больше, чем в середине 1990-х. Среднее количество лет обучения увеличилось с 9,3 до 12,4 лет в 2020 году, произошло значительное увеличение доли тех, кто учится 15 лет и более (с 8,9 % в 1994 год до 19,9 % в 2020 году, +11 п. п., увеличение более, чем в 2 раза). Доля граждан, имеющих высшее образование, также существенно выросла (в 1994 году доля лиц с высшим образованием в выборке РМЭЗ составляла 20,8 %, в 2020 году она выросла до 35,0 %).

Между тем, специфика миграционных процессов последних десятилетий свидетельствует о том, что миграция не способствует увеличению интеллектуального потенциала населения, напротив, происходит демографический «перелив» интеллектуальных человеческих ресурсов из России: уровень образования эмигрантов, особенно в западные страны, выше, чем у российского населения, при этом только половина из уезжающих рассматривают для себя возможности возвратной миграции [8].

Если рассматривать в рамках РМЭЗ выборку лиц, родившихся в странах СНГ, выступающих основными миграционными «донорами» России, то можно отметить, что на протяжении значительного периода эта группа характеризовалась высоким уровнем образованности, по доле имеющих высшее образование превышавшей население в целом (так, в 1998 году разрыв составил около 5 %). Между тем постепенно различия нивелировались, и в последние годы образованность (если судить по количеству лиц с высшим образованием) выходцев из стран

СНГ находится в целом на том же уровне, что и у населения всей страны. Безусловно, стоит учитывать, что в этой группе респондентов находились лица разного возраста и разных волн миграции в Россию, что привело к такому «смягчению» различий.

Различия в уровне образования в группах респондентов с различным миграционным опытом и происхождением имеют разный характер в зависимости от временного среза миграций. Если сравнивать два потока – тех, кто приехал из стран СНГ до 1991 года и после, то можно выделить несколько важных тенденций: во-первых, существенна разница в долях имеющих высшее образование – в период 2008–2020 годов (имеющиеся данные) в среднем на 9,5 % она была выше среди тех, кто приехал в Россию еще в советские времена, тогда как после 1991 года уровень образованности у приезжающих заметно снизился, особенно если сравнивать с населением в целом (разница по 2020 году составляет 11 п.п.). Таким образом, международная миграция в современный период развивается по пути насыщения рынка труда менее образованной рабочей силой, что негативно сказывается на качестве человеческого капитала и интеллектуального потенциала в российских регионах.

Одними из наиболее существенных факторов, определяющих различия в формировании и накоплении интеллектуального потенциала, являются урбанизация, возрастные и гендерные различия.

Разрыв в уровне социально-экономического развития между городскими и сельскими территориями в России огромен, это большой «узел» серьезных проблем, требующих комплексных решений. Анализ данных РМЭЗ в разрезе поселенческих различий показал, что разрыв в образовательном уровне жителей города и села не только не сокращается, но и напротив, увеличивается: после 2014 года он довольно устойчив и составляет более 14 %, если считать различия в уровне полученного высшего образования, и с 2010 года превышает 9 % в количестве лиц с длительностью обучения более 15 лет. Между тем, это не веяние последнего времени, а долгосрочный тренд, начавшийся задолго до первых волн РМЭЗ: уже в 1994 году разрыв в уровне получения высшего образования превышал 10 %, однако, в условиях модернизации экономики и ее перевода на «цифровые рельсы», способные увеличить производительность труда и обеспечить развитие села, этот разрыв критически увеличивается.

Анализ поколенческих трендов в получении образования различного уровня показал их устойчивость, за исключением последних двух лет – 2019 и 2020 годов, что несомненно связано с влиянием эпидемиологической ситуации, значительно пошатнувшей

всю систему образования, что особенно сказалось на поколении молодежи.

Различие в пропорциях лиц с высшим образованием до 2007 года было не в пользу молодого поколения: да, молодые люди имели лучшее образование, чем старшее поколение (60 лет и старше – в среднем на 3 % больше в данный период), однако заметно проигрывали среднему поколению 36–59 лет, среди которого высокообразованных людей было больше (максимальный разрыв – в 2000 году – на 7,4 %). Однако после 2008 года доля высокообразованной молодежи существенно увеличивалась, и с 2010 года доля молодежи с университетскими дипломами в среднем на 4 % стала превышать соответствующий показатель средней и на 7,4 % – старшей группы. При этом различия между средним и старшим поколениями нелинейны и подвержены колебаниям: в период 2006–2010 гг. старшее поколение было существенно более образованным, чем среднее (по количеству лет обучения) – разница составила в среднем 12 %, тогда как в последующие годы, – особенно с 2016 года, – наблюдается рост количества лиц со значительным количеством лет обучения в средней группе, тогда как в старшей группе, начиная с 2015 года, происходит падение интереса к увеличению образования, что может быть объяснено как причинами экономического характера – с возрастом отдача на образование снижается, так и в том числе по причине повышения конкуренции квалифицированных трудовых ресурсов. Таким образом, как по доле лиц, получивших высшее образование, так и по количеству лет обучения молодежь демонстрирует довольно существенные различия. Между тем, роль играют не только возрастные факторы, иллюстрирующие смену институциональных условий, но и другие структурные факторы, характеризующие сдвиги и диспропорции в распределении интеллектуального потенциала.

Так, одним наиболее «видимых» структурных факторов, характеризующих особенности накопления, распределения и использования интеллектуального потенциала социальных групп, является гендер. Данные РМЭЗ показывают, что, хотя тенденции повышения доступности высшего образования и увеличения количества лет обучения являются общими, между группами существуют статистически достоверные различия в образовательных уровнях и долях с лиц с большим количеством лет обучения. Так, до начала 2000-х годов, доля имеющих высшее образование мужчин была выше, чем женщин, которые значительно чаще получали среднее специальное образование (различия в 1994–1995 гг. составили более 5 %). Женщины учились меньше или, по меньшей мере, столько же,

сколько мужчины, однако, начиная с 2003 года происходит большая вовлеченность женщин в образовательный процесс: они чаще получают университетское образование и в целом тратят больше времени на получение знаний и повышение квалификации: разрыв с мужчинами по данным за 2020 год составил более 6 % по уровню полученного высшего образования и более 5 % – по количеству лиц, обучавшихся в течение жизни более 15 лет. Однако, большая образованность женщин не сопровождается существенным увеличением их доходов, а скорее приводит к росту переобученности (несоответствия места работы и выполняемых обязанностей уровню образования), семейным образовательным «мезальянсам» и смене семейных ролей. Представляется, что дальнейший гендерный разрыв по пути «интеллектуализации» женщин и снижения образовательного уровня мужчин может привести не только к внутрисемейным, но и более масштабным социальным конфликтам и напряженности.

Таким образом, последние десятилетия демонстрируют значимые изменения в интеллектуальном потенциале населения и в возможностях его приобретения у различных групп российского общества. Выявленные тенденции указывают на несколько осей дифференциации, сопряженных с увеличением образовательного и научно-инновационного неравенства, – пространственных (между городскими и сельскими поселениями, центральными и экономически более развитыми регионами и периферийными, «дотационными»), социально-демографических (гендерные и возрастные различия), культурных (различия в образе жизни, ценностных ориентациях, миграционном капитале). Международные сравнения и анализ внутренних данных показывают, что трансформация интеллектуального потенциала происходит, во-первых, по «догоняющей», а не опережающей траектории, а, во-вторых, по пути усиления поляризации различий в стартовых возможностях и возможностях дальнейшего развития у различных слоев населения, что не вполне согласуется с национальными целями и приоритетами.

Литература

1. *Альхименко О. Н.* Интеллектуальный потенциал: анализ составляющих компонентов и их количественная оценка //Вестник Российского экономического университета им. ГВ Плеханова. 2013. № 3 (57). С. 75–83.

2. *Боровикова Т. В., Филинов В. А.* Региональный интеллектуальный потенциал: методика оценки //Региональные исследования. 2014. № 3. С. 38–41.

3. Буланов В., Катайцева Е. Человеческий капитал как форма проявления человеческого потенциала // Общество и экономика. 2011. № 1. С. 13–22.

4. Докторович А. Б. Социологический анализ и методика оценки развития интеллектуального потенциала // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 1. С. 143–154.

5. Индикаторы науки: 2021: статистический сборник / Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский, Е.И. Евневич и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. НИУ ВШЭ, 2021.

6. Лапшин В. А. Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 259–263.

7. Левашов В. К. Интеллектуальный потенциал общества: социологическое измерение и прогнозирование // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2008. № 3 (87). С. 17–30.

8. Мкртчян Н., Флоринская Ю. Квалифицированная миграция в России: баланс потерь и приобретений // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 2. С. 60–63.

9. Юдин Б. Г. Человеческий потенциал России: состояние и перспективы // Человеческий потенциал как критический ресурс России. М.: ИФРАН. 2007.

10. Gross domestic spending on R&D. URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 1.06.2022).

ЭТНОИНТЕГРАЦИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Пустовалова Е. В., Барнаул (Россия)

***Аннотация.** В данной статье рассматривается проблема построения устойчивого межэтнического взаимодействия в условиях тотальной глобализации. Отмечается наличие достаточно традиционных инструментов, способствующих единению общества, и имеющаяся потребность их совершенствования. Заявлена необходимость в поиске новых решений в аспекте консолидации постоянно возникающих и видоизменяющихся современных крупных социальных групп, а также представлен ряд достоинств процесса этноинтеграции для укрепления всех уровней общественных отношений. Представлен краткий обзор направлений научного поиска в решении проблем, связанных с возникновением и развитием межэтнических противоречий. Обозначен ряд предложений современных российских ученых по их разрешению. Уделяется*